

8 марта исполняется 70 лет выдающемуся актеру, режиссеру, народному артисту СССР

Евгению Семеновичу Матвееву.

Зрителю хорошо знакомы и давно полюбившиеся

созданные им на экране образы киногероев, людей сильных, решительных, ярко эмоциональных, обладающих доброй душой, мужеством, горячо влюбленных в свою Родину, одним словом, воплощающих в себе те черты, которые всегда были свойственны русскому человеку. И здесь сразу вспоминаются роли Макара Нагульнова в фильме «Поднятая целина», Владимира Федотова в картине «Родная кровь», Будулая в фильме «Цыган», Пугачева в фильме «Емельян Пугачев» и многие, многие другие...

Искусство Евгения Матвеева как режиссера отмечено открытым темпераментом, страстностью, яркостью киноязыка. Его фильмам свойственны подлинная народность и высокая патетика, а в режиссерских работах всегда звучит тема беззаветной любви к России.

В канун юбилея наш корреспондент встретился с Евгением Матвеевым и взял у него небольшое интервью.

— Евгений Семенович, можно долго перечислять роли, сыгранные вами как на театральной сцене, так и в кино. Какую из них вы сами считаете наиболее удачной?

— Я не думаю, что создал в кинематографе нечто, абсолютно меня удовлетворяющее. В театре я мог годами шлифовать роль, уходить в глубину создаваемого образа. А кино — это явление мгновенное, и

что снято сегодня, того не исправишь. Наибольшее удовлетворение мне как актеру и режиссеру доставили работы, связанные с экранизацией русской литературы, и прежде всего русской классики. Я имел счастье соприкоснуться с творчеством Михаила Шолохова, сыграв Макара Нагульнова в «Поднятой целине». Мне всегда казалось, что я родился для этой роли. Также очень близка мне роль солдата Трофима по рассказу Шолохова «Жеребенох». Макар и Трофим — диаметрально противоположные по темпераменту люди. Если

первый извергает страсти, то второй весь в себе, все время находится в глубоком размышлении о жизни. Хотя и тот и другой закончили жизнь трагически — погибли, у них была одна вера — приблизить светлую, счастливую жизнь.

Удивительное счастье работать над литературой глубоко национальной, сочной, яркой. Мне поэтому очень близок по духу и национальному колориту образ Захара Дерюгина из «Судьбы» Петра Проскурина.

Совершенно неожиданным было для меня предложение сыграть роль князя Дмит-

рия Ивановича Нехлюдова в «Воскресении», так как я считал, что вряд ли имею право соприкоснуться с дворянской жизнью, потому что корни мои — крестьянские. И, однако, работая над образом Нехлюдова, я ощущал какую-то общность со всеми моими героями из русской литературы — это совесть, это борьба с самим собой за себя же — порядочного человека. Я до сих пор остро ощущаю глубину фразы: «Гадко и стыдно, стыдно и гадко». Сегодня мы грешим в этой перестроечной кутерье и так резко, порой так вульгарно выражаем свои желания и эмоции, что мне вновь и вновь вспоминается эта фраза.

Из русской литературы бесконечно дороги мне еще два образа, обладающие поразительной нежностью, ласковостью, — Федотов из «Родной крови» и цыган Будулай. Им обоим присущи удивительная совесть, честность, порядочность в отношении к ребенку, женщине, старому человеку. Наверняка эти люди атеисты, но, как говорится, с крестом на груди и Богом в душе.

В ряду моих любимых героев особое место занимает Емельян Пугачев. Работая над Пугачевым, я обращался к страницам — Пушкина, Есенина, Шишкова. Буйство характера, неумная жажда справедливости — вот что особенно дорого мне в этом человеке...

— Это — памятные, драгоценные вехи пройденного пути. А что осталось за рамками творческой биографии, лишь сохрненной актерской мечтой?

— Актерская профессия — это профессия, которая своей природой обозначила страдания для художника. Кто встает на этот путь, должен быть готов к мукам, и не только творческим. Писатель может писать когда хочет, независимо от того, издадут его или нет. Живописец в любой момент может взять краски, холст и написать картину. То же музыкант. Актер — вечно зависимая личность, зависимость от литературы, режиссера, сценариста. Он находится в постоянном ожидании роли,

Лит. Россия. — 1992. — 8 марта. — С. 12-13.

Я РОДИЛСЯ ДЛЯ ЭТОЙ РОЛИ

образа, который был бы ему близок. Для того, чтобы максимально реализовать себя, актер должен иметь хороший материал. Такие возможности предоставляет классика, так как она прошла проверку временем.

Я до сих пор жалею о том, что мне так и не довелось сыграть роль Мартина Идена по роману Джека Лондона. Мне также очень хотелось создать образ царя Ивана Грозного. Сегодня я мечтаю сыграть нашего современника — не бездумно орущего на митингах в микрофон, но человека, который своими силами держит, хранит государство. Сегодня этот герой не Мачкар и не Дерюгин, сегодня это личность в чем-то другая. Но я нигде пока не могу прочитать про такого. Русская великая литература всегда зиждется на жизнеутверждающем начале, оптимизме. Сегодня же мы видим, как все ниже опускается нравственная планка духовности. В кинематографе пошли косяком фильмы пацанские, несущие разрушительный заряд. Недавно на творческой встрече я получил записку: «До каких пор наше кино будет унижать нас?». И это действительно так. Самые популярные сегодняшние герои — бизнесмены, проститутки, наркоманы...

— Евгений Семенович, что для вас самое главное в жизни?

— Смысл моего искусства — облегчить существование человека, заразить его верой, мечтой, активной деятельностью, а не ожиданием. Мне всегда хотелось поделиться с людьми радостью, заронить в их души прекрасное, доброе, сочувствие. В этом я всегда видел свой долг. Во всех моих картинах есть страдания, кровь, смерть, но у меня всегда была цель — вызвать в человеке жажду жить, жить честно, справедливо, не по лжи. И я верю в силу искусства, верю в то, что оно способно влить в наши души целительный бальзам надежды и веры в лучшее будущее.

— Какими вам видятся сегодняшние процессы, происходящие в кино и в стране в целом? Отражает ли сегодняшний кинематограф черты русского национального характера?

— Я побывал в тридцати восьми государствах мира, в иных по несколько раз.

Я не экономист и не политик, но я всегда удивлялся и думал, почему мы так трудно живем. Когда нас призывали строить новую, лучшую жизнь, я верил. Сегодня я понимаю, что так, как мы жили, жить нельзя. Идет великая ломка — и этот процесс требует бережного отношения к судьбе человека. А человеку бесцеремонно и нагло влезают в душу, хотя он и не виноват в том, что жил в тех условиях дутых идеалов. И люди, делающие «перестройку», совершают ныне много роковых ошибок.

Заботы о чистоте человеческой души нет и в современном киноискусстве. В одно мгновение была разрушена система кинематографа, создававшаяся десятилетиями. Сейчас на этом пепелище нужны прорабы строики, а не перестройки. Все разбежались по кооперативным нормам. Государственные структуры не работают, а кинематограф требует денег, техники. А техника у нас такая, что стыдно сказать. Остается ждать, когда появятся новые Саввы Морозовы, Бахрушины, Мамонтовы. На государство надежды нет — ведь сейчас «хозяин» рынок.

Что касается вопроса, отражает ли сегодняшний кинематограф черты русского национального характера, то я думаю, что нет. Вот вам характерный пример. Когда я заявил о том, что хочу поставить «Грозного» Островского, один предприимчивый бизнесмен пообещал дать денег, но при одном условии — в фильме должны войти эротические сцены, которых в пьесе нет. Конечно, я отказался от такого предложения. Если раньше нас давила цензура, то сейчас нас давит бизнесмен своим рублем. А искусству надо выжить любой ценой.

— Над чем вы сейчас работаете? Каковы ваши творческие планы?

— Сейчас я выступаю как актер, но у меня нет сценария, который бы меня удовлетворял. Я уже сказал, что хочу сыграть нашего современника. Нынче, повторю, на экран выливается помой, а я хочу говорить о человеческой красоте, о том, что действительно нужно людям. Остается ждать.

**Интервью взял
Артур ОРЛОВ**